

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ЮБИЛЕЙ

Не оглядывайся!

Георгий Исаакян к своему 50-летию заново поставил любимую оперу

Юлия Баталина

«Орфей» — роковая страсть харизматиков Пермского театра оперы и балета. Николай Боярчиков поставил балет «Орфей и Эвридика» на фонограмму рок-оперы Александра Журбина, Георгий Исаакян — «Орфея» Монтеверди. Оба спектакля стали культовыми. Оба постановщика вскоре перебрались в столицы — и не оглядываются... Или всё же оглядываются?

Премьера «Орфея» Монтеверди в Детском музыкальном театре имени Наталии Сац ещё раз доказала античную истину о том, что в одну воду дважды не зайдёшь. Главная заповедь мифа об Орфее — «Не оглядывайся!» — звучит в этом контексте и многозначительно, и актуально; ведь вся эта постановка именно об этом: о желании оглянуться, окунуться в прошлое, вернуть невозвратное.

Вечное желание возратить прошедшие годы жизни, прошедшие годы истории — от золотого века античности до собственного детства — и вечная же невозможность это сделать... Об этом то и дело напоминает спектакль.

Постановка очень камерная. Действие разворачивается в небольшой ротонде — части рекреационного пространства театра. Стулья в два ряда расставлены по кругу. Зрителей — около четырёх десятков. Чтобы оказаться в ротонде, нужно пройти через длинное и гулкое фойе почти пустого театра, вход в которое оформлен как небольшой проём в ряду шкафов — старых, но не очень, где-то годов 1970-х. «Осторожно, ступенька. И головы берегите!» — предупреждает капельдинер каждого входящего. Приметы унылой минималистической эстетики этого времени то и дело встречаются на пути зрителей к импровизированному «залу»: ковровая дорожка, пара кресел... Поднявшись в ротонду, зрители рассаживаются на разномастные стулья из тех же времён и видят небольшой барочный оркестрик, который теснит-

ся в узком пространстве, ограниченном нагромождёнными предметами мебели, словно вынесенными на склад, поскольку выбросить жалко.

Весь антураж спектакля — сплошной реди-мейд, ни одного созданного специально предмета или костюма. Художник-постановщик Ксения Перетрухина досконально обшарила блошиные рынки Москвы, собирая все эти полированные обеденные столы, радиолы и ламповые телевизоры. Герои одеты очень стильно и очень достоверно: джинсы-клёш, вязанные безрукавки, кримпленовые платья, кеды, настоящая стройотрядовская курточка с трафаретной надписью «Нечерноземье'78», очки в широких пластмассовых оправках, в руках — большие кожаные портфели. От всего этого веет ностальгией и милой бедностью. Вместо пастырей и нимф — компания увлечённых физиков-лириков, «эмэнэсов» и студенток, не думающих о сложностях жизни — как субъективных, личных, так и объективных, исторических.

Когда зрители заходят в ротонду под знаменитые фанфары увертюры (в этой постановке они звучат трижды), «пастыри» спят, их портфели заменяют им подушки, и их будит Музыка (Мария Чудовская), которая спускается из-под потолка на полированном столе, подвешенном на четырёх канатах, как качели. Жизнь, которую ведут эти ребята, напоминает советские фильмы вроде мюзикла «Жили три холостяка», где молодые парни, посвятившие себя науке, готовятся к важной экспедиции и попутно решают личные проблемы. Возмож-

ФОТО ЕЛЕНА ЛАПИНА



Орфей — Денис Болдов, Эндру Лоуренс-Кинг за барочной арфой

ФОТО СЕРГЕЙ МИХЕЕВ, «РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА»



но, юный Исаакян видел этот фильм 1973 года. Ему тогда было пять лет; герои и обстановка нового исаакянского «Орфея» — это сплошное путешествие в детство: не в стандартное розово-безоблачное литературное детство, а в реальное детство нынешних пятидесятилетних, которое прошло в окружении этих людей и этих предметов.

Детство кончается, когда умирает Эвридика. Басистый Харон (Дмитрий Почапский) встречает посерьёзневшего Орфея (Пётр Сизов) одетым в штормовку, с огромным рюкзаком и на лыжах. Путь предстоит неблизкий и непростой.

В начале второго действия Исаакян заставляет зрителей пережить стресс, и довольно жёсткий. На протяжении почти 20 минут, которые, кажется, тянутся бесконечно, сквозь публику проходят тени умерших. Это те же беззаботные юные гении, которых мы видели в первом действии, но они кутаются в пальто, натянули шапки и прижимают к себе чемоданы и портфели. Видно, что несут самое дорогое, то, что трудно выпустить из рук — но всё равно придётся. Туда, куда они направляются, с собой ничего не заберётся.

Это скорбное шествие столь многое напоминает! Эвакуация, путь в концлагерь... Тащат чемоданы: как же мы там без любимых книг, без бабушкиной вазочки? — чтобы рано или поздно бросить их перед бездной с многозначительной надписью — «Оставь надежду», как в «Орфее», или Arbeit macht frei, как в Освенциме. Чемоданы, портфели, самовар и даже старые магазинные весы (для кого-то они дороже всего, а что?) аккуратно составляют — жалко просто выбросить, и получается грустная инсталляция из покинутых вещей, которые были для кого-то дороги, а стали никому не нужны.

После этого души падают в бездну.

Ротонда находится на высоте второго этажа — хорошего такого, полногабаритного, — над главным фойе театра. Персонажи, один за другим, встают на бортик и — сигают вниз. Эффект просто

ошеломляющий! Кажется, что это настоящая смерть, и так — раз за разом. Какой тент или батут подхватывает артистов внизу — неизвестно: к тому моменту, как спектакль заканчивается, внизу уже нет никаких специальных приспособлений.

Мрачный антураж дополняют три духа подземного мира — в телогрейках и треухах, вылитые вертухаи в ГУЛАГе. Недаром Исаакян в кулуарах сказал, что спектакль — в том числе о судьбе Наталии Сац и других «Орфеев», побывавших в аду и вернувшихся оттуда. Кстати, Детский музыкальный театр, который сейчас носит имя своей создательницы и который возглавляет Георгий Исаакян, одного поколения с режиссёром — он был открыт в 1965 году, а в нынешнем здании находится с 1979 года. 1970-е годы — это время и его, театра, юности. Всё логично.

Шествие душ зрители наблюдают стоя — для полноты дискомфорта. Ощущения такие сильные, что некоторые плачут, вспоминая свои собственные потери.

Живо ощущаемая бездна, которая где-то там, за пределами сценической площадки, — важная часть пространства спектакля. На её краю проводит всё второе действие Орфей, оттуда к нему взывает дух Эвридики, и даже часть оркестра расположилась тоже где-то там, что позволило музыкальному руководителю спектакля Валерию Платонову, который уже второй раз ставит с Исаакяном «Орфея», получить интересные звуковые эффекты.

Всё второе действие спектакля — сплошная, непроглядная безнадёга, особенно гнетущая по контрасту с первым беззаботным действием. Сюжет про Орфея в принципе невесёлая история, но в новой режиссёрской интерпретации она стала предельно мрачной. Десять лет назад в Перми всё это выглядело наряднее, декоративнее. Правда, уже тогда Харон был грубым сантехником в хосписе, где люди — то ли живы, то ли уже умерли, но сейчас нарочитая